





## Нормандские и Анжуйские короли Англии

# Анжуйская империя и королевство Франция 1154 - 1220

Границы французских  
владений Генриха II



## *Примечание для читателей*

В романе я называю королеву Алиенорой, а не Элеонорой, потому что так она называла себя, и именно так ее имя написано в составленных ею хартиях и упоминается в англо-нормандских текстах. Мне показалось, что будет уместно таким образом признать ее заслуги.



# 1

ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО, ЛОНДОН,  
ДЕКАБРЬ 1154 ГОДА

**В**то самое мгновение, когда Теобальд, архиепископ Кентерберийский, возложил на чело Алиеноры тяжелую золотую корону, ребенок в ее утробе бойко стукнул ножкой, и этот толчок отозвался во всем теле матери. В окна аббатства, выполненные в романском стиле, пробивался ясный зимний свет, заливая гробницу короля Эдуарда Исповедника и озаря бледным сиянием помост, на котором Алиенора сидела рядом со своим мужем, новопомазанным королем Англии Генрихом II.

Генрих уверенно держал в руках инкрустированную драгоценными камнями державу и меч суверена. Его губы сжались в твердую, прямую линию, а серые глаза смотрели целеустремленно. В смешении мрака и света его борода сверкала медно-рыжим, он излучал жизненную энергию и пыл, как и полагается юноше двадцати одного года от роду. Он уже носил титулы герцога Нормандии, графа Анжу и герцога-консорта Аквитании и еще с тех пор, как в четырнадцать лет возглавил свой первый военный поход, был тем, с кем нужно считаться.

Архиепископ отошел, и Алиенора почувствовала, как на нее, будто яркий и неподвижный луч света, устремилось внимание всех собравшихся под сводами собора. Здесь со-

брались епископы, крупные феодалы и английские бароны, чтобы стать свидетелями знаменательного события, принести присягу новому монарху и вступить в эпоху мира и процветания. Все надеялись, что молодой король и его плодовитая королева залечат раны, нанесенные десятилетиями гражданской войны. Все было проникнуто духом сердечного воодушевления. Все стремились добиться от нового государя благосклонности и выгоды. В ближайшие месяцы Алиеноре и Генриху предстояло отделить алмазы от груды обычных камней и избавиться от ненужного.

Алиенора надевала корону во второй раз. Более пятнадцати лет она была королевой Франции, пока ее брак с Людовиком не был аннулирован по причине кровного родства. Это был удобный предлог, чтобы скрыть истинные основания для развода: куда важнее было то, что Алиенора родила Людовику в браке лишь двух дочерей и не сумела подарить сына. С Генрихом она состояла в куда более близком родстве, чем с первым мужем, и при мысли об этом Алиенора сардонически усмехалась. Деньги, влияние и человеческие страсти всегда имели большее значение, чем совесть и Божьи заповеди. За два года брака с Генрихом у нее родился здоровый сын, а к концу зимы она ожидала еще одного ребенка.

Генрих поднялся с резного трона короля Эдуарда Исповедника, и все опустились перед ним на колени и склонили головы. Он протянул руку Алиеноре — королева присела в реверансе, шелковые юбки золотым водопадом заструились вокруг ног. Генрих поднял ее, крепко сжав пальцы, и они обменялись ликующими взглядами: оба понимали, насколько значителен этот момент.

Облаченные в горностаевые мантии, рука об руку, они шли по широкому нефу аббатства, следуя за сверкающим

драгоценными камнями крестом архиепископа. Дым ладана и облачка пара от жаркого дыхания медленно поднимались в небо. Алиенора ступала величественно, высоко держа голову и выпрямив спину, чтобы не потерять равновесие из-за тяжелой, усеянной драгоценностями короны и разбухшего живота. С каждым шагом ее платье сияло и переливалось, а хор пел торжественную хвалу, голоса певчих взмывали ввысь, чтобы сплестись с ароматным дымом и вознестись к небесам. В ее чреве весело ворочался ребенок, выгибаясь и толкаясь. Судя по всему, будет еще один мальчик. Полуторагодовалого первенца они оставили в Тауэре, под присмотром кормилицы. И однажды, с Божьей помощью, он тоже будет помазан на царство в этом соборе.

За стенами аббатства, несмотря на пронизывающий декабрьский холод, собрались толпы простолюдинов, стремившихся полюбоваться на прекрасное зрелище и поприветствовать новых короля и королеву Англии. Стражники и распорядители держали толпу на расстоянии, но настроение царило радостное, тем более что придворные принялись осыпать собравшихся серебряными монетами и бросать в толпу небольшие буханки хлеба.

Алиенора наблюдала за толчеей, внимала возгласам благословения и одобрения, и, хотя она почти не понимала по-английски, чувства подданных были понятны.

— Нас принимают с радостью, — улыбаясь, сказала она Генриху.

— Конечно, после стольких лет войны, — широко улыбнулся он в ответ, но перевел взгляд с аббатства на Вестминстерский дворец и на мгновение озабоченно нахмурился. Когда-то это была величественная резиденция, но в последние годы правления короля Стефана здание пришло в упа-



док. Чтобы сделать его пригодным для проживания, требовался срочный ремонт. Пока Генрих вел государственные дела в Тауэре, а домашние покои устроил за рекой, в поместье Бермондси.

— Но ты права, — добавил он, — мы начинаем с высокой ноты. Да ждет нас процветание.

Он положил руку на ее округлый живот, намеренно выставленный на обозрение подданных сквозь распахнутые полы роскошной мантии. Королева должна быть плодотворной, и никогда это качество не было столь важным, как сейчас, в начале правления. Почувствовав, как ребенок сильно толкнул его в ладонь, Генрих восхищенно усмехнулся:

— Наше время пришло. Мы должны воспользоваться успехом, ничего не упуская.

Взяв у придворного горсть монет, он бросил их в толпу. Молодая женщина, стоявшая в первом ряду с маленьким ребенком, поймала одну из них и ослепительно улыбнулась королю.

Алиенора устала, но все еще светилась от радости, когда баржа причалила у Тауэра. Матрос закинул канат на причальную утку и подтащил судно поближе к ступеням. Тут же подоспела прислуга с фонарями, чтобы развеять мрак зимней ночи и сопроводить королевскую чету в апартаменты. Золотые блики рассыпались по темным водам Темзы, от которых поднимался солоноватый запах. Даже закутавшись в подбитую мехом мантию, Алиенора стучала зубами от холода. Боясь поскользнуться, она осторожно ступала по покрытым инеем дорожкам в своих тонких кожаных башмачках.

Оживленно беседуя с придворными, среди которых был его сводный брат Гамелин, виконт де Турень, Генрих шел

впереди, и его голос далеко разносился в ясной ночи. В тот день король поднялся задолго до рассвета, и Алиенора знала, что он не уйдет на покой до глубокой ночи. Зимой свечи и лампы были в их хозяйстве основной статьёй расходов, за Генрихом было не угнаться.

Алиенора вошла в главную башню и медленно поднялась по ступенькам в свои покои, на мгновение остановившись и приложив руку к животу. Быстро заглянув в отделенный перегородкой альков, она убедилась, что наследник престола крепко спит в кроватке, укрытый мягкими одеялами и теплыми пледами. Его волосы отливали золотом в свете единственной лампы. Кормилица улыбнулась, уверяя, что все в порядке, и Алиенора повернулась к королевским покоем, где им с Генрихом предстояло провести ночь перед тем, как на следующий день переправиться через реку в Бермондси.

Ставни были плотно закрыты, чтобы не впустить в комнату ночной зимний воздух, а в очаге ярко пылал огонь. Алиенора встала к нему поближе, чтобы тепло окутало ее и прогнало холод, навеянный ледяным ветром на реке. Отблески пламени плясали, отражаясь на яркой ткани ее платья, выписывая на шелке самые разные истории.

Старшая горничная Марчиза подошла, чтобы помочь королеве раздеться, но Алиенора покачала головой.

— Нет, — с улыбкой произнесла она. — Мне хочется продлить этот день, насладиться им; другого такого уже не будет.

Эмма, сводная сестра Генриха, протянула Алиеноре кубок с вином, ее карие глаза сияли.

— Я запомню этот день на всю жизнь.

Всего два года назад, до свадьбы Алиеноры с Генрихом, Эмма жила в аббатстве Фонтевро в доме для мирянок. Она

и ее брат Гамелин были незаконнорожденными сводными сестрой и братом Генриха, и обоим он нашел место при дворе.

— Мы все его запомним, — сказала Алиенора и поцеловала девушку. Она любила Эмму, ценила ее кроткую дружбу и восхищалась талантом вышивальщицы.

Вошел Генрих, энергичный, бурлящий, будто котелок на огне. Он сменил коронационную мантию на повседневную шерстяную котту<sup>1</sup> и надел любимую пару разношенных сапог.

— У тебя такой вид, словно ты готов поплевать на руки и приступить к работе. — Одарив мужа многозначительным взглядом, Алиенора осторожно опустилась на стул перед очагом и расправила юбку так, что ткань водопадом закрыла ноги.

— Конечно. — Генрих подошел к окну и принялся расставлять шахматы из слоновой кости, оставленные на маленькой скамейке. — Как ни жаль, приходится мириться с привычками других. Если не дать им выспаться, они тупеют, как неточеные ножи. — Он передвинул фигуры на доске, создавая картину шах и мат.

— Быть может, тебе все же стоит хоть немного поспать.

— Что толку лежать как мертвый, пока вокруг кипит жизнь?

Оставив шахматы, он сел на скамью напротив Алиеноры и взял ее кубок, чтобы глотнуть вина.

— Ранним утром, с рассветом, явится архиепископ Кентерберийский. Уверяет, что у него есть кандидат на должность канцлера.

---

<sup>1</sup> Европейская средневековая верхняя одежда (туника), до колена или ниже — чем выше статус человека, тем длиннее. Надевалась поверх камизы — прототипа современной рубашки. (*Прим. ред.*)

Алиенора приподняла брови. При дворе полным ходом шел торг за благосклонность короля и выгодные должности. Из короткого разговора с Теобальдом Кентерберийским Алиенора успела сделать вывод, что архиепископ — лукавый хитрец. За благодушным выражением лица и близоруким взглядом скрывалась стальная воля. Он бросил вызов королю Стефану и помешал старшему сыну Стефана, Юстасу, объявить себя наследником Англии, за что был на некоторое время сослан. Теобальд поддержал Генриха, и за это ему причитались милости. Архиепископ прославился тем, что умел собирать в своем кругу людей редкого и острого ума.

— Некий Томас Бекет, его архидиакон и протезе, — сообщил Генрих. — Родился в Лондоне, но получил образование в Париже и жаждет продемонстрировать свои способности управления государственными финансами.

— Сколько ему лет?

— Чуть больше тридцати. Не в преклонном возрасте, как половина прочих претендентов. Я переговорил с ним на ходу, но особого впечатления пока не составил.

— Теобальд не просто так выдвинул его кандидатуру, должна быть причина. — Алиенора забрала у Генриха свой кубок с вином.

— Само собой. Архиепископ хочет посадить кого-нибудь со мной рядом, собирается влиять на то, как я управляю государством, и продвигать интересы Церкви. Его протезе наверняка очень умен, в этом у меня нет сомнений. — Он натянуто улыбнулся. — Однако если я выберу этого Томаса Бекета, ему придется поменять господина. Я не против того, чтобы мне служили честолюбцы, но вот играть с собой не позволю.

Услышав в его голосе нотку раздражения, Алиенора бросила на мужа вопросительный взгляд.